

В 1911 году праздничное богослужение в честь иконы Божией Матери Казанской возглавлял Преосвященный Трифон (Туркестанов), бывший в то время епископом Дмитровским, первым викарием Московской епархии и членом Московской Синодальной конторы. 4/17 июля после торжественной встречи у Святых ворот владыка прошел в предшествии о. настоятеля и освященного собора в Преображенский собор, приложился к престолу, а затем с амвона сказал, что прибыл для рукоположения 25 человек монашествующей братии и для освящения новосозданного храма в Трифоно-Печенгской обители, и просил молитв, чтобы с помощью Божией исполнить порученное дело. Из 23 монахов, рукоположенных владыкой Трифоном, один стал святым — иеромонах Моисей (Кожин), преподобномученик Соловецкий; другие пострадали за веру, хотя пока не прославлены — архимандрит Агапит, игумен Наум, иеромонахи Дамаскин, Марин, Марк, Ипполит, Николай; иеромонах Митрофан упоминается в «Соловецком цветнике» как подвижник благочестия; иеромонах Мартин оставался до 1930-х годов на Соловках в качестве вольнонаемного работника, был уставщиком кладбищенского храма и составил последний список братии Соловецкого монастыря в 1929 году.

Более энергичного и молитвенного паломника, чем 50-летний владыка Трифон трудно представить: он служил и рукополагал ежедневно и успел в промежутках между богослужениями познакомиться со всеми Соловецкими святынями. В первый день он служил молебен перед мощами преподобных Зосимы и Савватия, прикладывался к мощам святителя Филиппа и, осматривая монастырские храмы, благословлял братию и народ. О. настоятель предложил Преосвященному Трифону послужить в Сергиево-Муксаломском скиту в день храмового праздника. Владыка с удовольствием согласился, но всю ночь решили служить в монастыре. В 6 часов вечера начался благовест к Всенощному бдению, который по монастырскому обычаю продолжался полчаса. На литию и величание выходил владыка. Всенощная закончилась в 11 часов. 5/18 июля в 7 утра преосвященный Трифон с о. настоятелем отправились в Сергиевский скит. В 8 часов началась Литургия, за которой были рукоположены иеродиакон Маркиан — в иеромонаха, а монах Феофил — в иеродиакона. В конце Литургии владыка сказал поучение о необходимости подражания жизни святых, и, в частности, преподобного Сергия, а затем отслужил ему молебен. После трапезы высокому гостю показывали молочную, ферму, птичник, конный завод, и сенокосные луга, устроенные на месте торфяных болот. Всё это ему весьма понравилось: «Учиться у вас надо», — сказал владыка.

На обратном пути Преосвященный заезжал в Филиппову пустынь, вечером он слушал Всенощное бдение в церкви Благовещения Пресвятой Богородицы (домовый храм при настоятельских покоях, где размещался владыка), а утром там же служил раннюю Литургию, за которой рукоположил иеродиакона Серапиона — в иеромонаха, а монаха Марина — в иеродиакона. В тот же день Преосвященный Трифон побывал в Анзерских скитах, где молился с братией у мощей преподобного Елеазара и преподобного Иова и в обоих скитах говорил сильные и назидательные слова о скитской жизни и страданиях Спасителя и Богоматери. Ко всюнощной вернулись в монастырь. 7/20 июля владыка опять служил раннюю Литургию в церкви Благовещения, за которой рукоположил иеродиакона Мартина — в иеромонаха, а монаха Виктора — в иеродиакона. Этот день в обители был посвящен посту и молитве. По окончании поздней Литургии владыка читал акафист преподобным Зосиме и Савватию. С 3 часов до 5 служилась малая вечерня, в 7 — благовест призвал всех на всюнощное бдение. Преосвященный Трифон выходил на литию и величание с 12 иеромонахами и сам помазывал освященным елеем богомольцев, которых собралось до 2000. В самый день праздника владыка служил за поздней Литургией, рукоположил иеродиакона Севастиана — в иеромонаха, а монаха Николая — в иеродиакона и сказал поучение о терпеливом перенесении земных скорбей. Преосвященный начал с примера терпения Божией Матерью у креста Сына Своего, затем вспомнил скорбь братии во время бомбардировки англичан и в заключение сказал, что во всех печалях и напастях мы должны прибегать с молитвой к Царице Небесной. Поучение

было так живо и трогательно, что почти все присутствующие плакали. Затем владыка Трифон служил молебен у рака преподобных Зосимы и Савватия, а в конце молебна пошел с крестным ходом по крепостной стене и во время четырех остановок осенял молящихся иконой Богоматери, именуемой Сосновской. Сойдя со стены у церкви Благовещения, крестный ход направился к чудотворной иконе Богородицы Знамения («раненой» во время обстрела) над входом в Спасо-Преображенский собор. Перед ней владыка прочитал молитву Царице Небесной, затем все служащие пропели: «Достойно есть величати Тя...», а певчие — «Под Твою милость прибегаем, Богородице Дево...» Молебен закончился многолетием в Спасо-Преображенском соборе. Из храма Его Преосвященство и о. настоятель в мантиях прошли в трапезную церковь, где после пения положенных молитв Владыка благословил братскую трапезу. В следующие два дня Преосвященный Трифон служил ранние Литургии в церкви Благовещения, за которыми рукоположил иеродиакон Арсения и Митрофана — в иеромонахов, а монахов Иоасафа и Дамаскина — в иеродиакон.

10/23 июля в три часа дня Его Преосвященство и о. настоятель с частью братии отправились в Печенгский монастырь на монастырском пароходе «Вера». Когда пароход, разукрашенный флагами, отчалил от пристани, стоявшая на пристани братия запели: «Ныне отпускаеши...», на что певчие, бывшие на корабле ответили пением тропаря Преображению Господню. 13/23 июля утром пароход вошел в Печенгскую губу (залив) и бросил якорь на рейде. Владыка и соловецкая братия были встречены прибывшим на моторной лодке настоятелем Печенгского монастыря архимандритом Ионафаном, постриженником Соловецкого монастыря. Преосвященный Трифон и братия отправились к новому деревянному храму, устроенному на месте древнего монастыря над могилой 116 иноков, избитых шведами в 1589 году. У этого храма архимандрит Ионафан приветствовал владыку с поднесением ему хлеба-соли. Затем все проследовали в экипажах за 16 верст в верхний монастырь, возобновленный в 1886 году при Сретенской церкви, где почивают мощи прп. Трифона (см. Соловецкий календарь 2015 г. с. 61-64, 77-79). Там владыка на следующий день совершил позднюю литургию и рукоположил монаха Серафима — в иеродиакон.

Всенощное бдение в 6 часов вечера началось в новом храме, который был предназначен к освящению в честь Рождества Христова. Лития, благословение хлебов и величание Рождеству Христову были совершены Преосвященным Трифоном и 15 священнослужителями. Доселе здесь не бывало ни архиерейского служения, ни такого собрания духовенства. После чтения Евангелия владыка сам благословлял и помазывал елеем всех прикладывавшихся к иконе Рождества Христова, а во время пения великого славословия осенял молящихся дикирием и трикирием. Утром 15/28 июля в день памяти равноапостольного князя Владимира при участии обоих архимандритов, печенгских священноиноков и окрестного белого духовенства преосвященный Трифон совершил чин освящения храма и первую в нем литургию, за которой рукоположил соловецкого иеродиакон Моисея — в иеромонаха, а монаха Иувеналия — в иеродиакон. Интересно, что оба они были родом с Терского берега Кольского полуострова: о. Моисей — из Оленицы, о. Иувеналий — из Варзуги.

На обратном пути 16 июля любовались игравшими на поверхности моря китами, касатками и нерпами, а 18 июля в 2 часа ночи благополучно вернулись в Соловецкий монастырь. За всенощным владыка по обыкновению молился в Благовещенской церкви, а 19 июля служил раннюю Литургию в больничной церкви в честь иконы Божией Матери Утоли мои печали и рукоположил монаха Вячеслава — в иеродиакон. В этот день Преосвященный посетил монастырскую ризницу, мастерские, турбинную мельницу и воскобелительный завод в Макариевой пустыни.

20 июля Преосвященный Трифон служил позднюю Литургию в Преображенском соборе, за которой после часов совершил торжественное освящение трех антиминов, объяснив предварительно их значение и показав их народу. По просьбе учрежденного

собора освященные антиминсы владыка оставил монастырю. За Литургией были рукоположены иеродиакон Наум — в иеромонаха, а монах Климент — в иеродиакона. По окончании Литургии Преосвященный произнес слово «О памяти смертной», затем поблагодарил настоятеля и братию за сердечный приём, сказав: «Хотя вы живете и в холодной стране, а любовь свою согрели мое охладевшее сердце», и благословил братию образками преподобных Зосимы и Савватия, а рукоположенных им иноков — и служебниками с собственноручной надписью на каждом.

На следующий день владыка служил Литургию в церкви Святителя Филиппа и рукоположил монаха Маркеллина — в иеродиакона. В 9 часов утра этого же дня архимандрит Иоанникий с братией собрались на напутственный молебен по случаю отъезда Преосвященного Трифона. Настоятель поблагодарил его за посещение и за рукоположения и просил принять в дар от обители икону преподобных Зосимы и Савватия. Приняв икону, владыка поблагодарил за гостеприимство и вместе с о. настоятелем отправился на пароход «Вера». Братия сопровождала их с торжественным пением.

Всенощное бдение в тот же день владыка служил уже в Кондостровском скиту. 22 июля за Божественной Литургией Преосвященный Трифон рукоположил соловецкого иеродиакона Ипполита — в иеромонаха, а монаха Аполлоса — в иеродиакона. В поучении после Литургии владыка Трифон говорил о том, что долг пастырей — бороться с современным духом неверия, а если Богу угодно, то принять и мученический венец. Около 10 часов утра «Вера» с владыкой и о. настоятелем направилась в Архангельск.

Вечером следующего дня Преосвященный Трифон служил Всенощное бдение в церкви Архангельского подворья Соловецкого монастыря с шестью сослужащими иеромонахами. За Литургией 24 июля были рукоположены иеродиакон Агапит — в иеромонаха, а монах Марк — в иеродиакона. После молебна святому благоверному князю Борису, чьё имя дано было владыке Трифону при крещении, и Соловецким чудотворцам Зосиме, Савватию и Герману, Его Преосвященство сказал поучение о значении храма: «Любите храм Божий, храм Божий — это земное небо», и благословлял народ, одаривая богомольцев крестиками и листками духовно-нравственного содержания. В четыре часа дня монастырский пароход перевез владыку к железнодорожному вокзалу, где он, простившись с братией, отправился в Москву. О. настоятель проводил владыку до станции Емца, а затем вернулся в Архангельск¹.

«Кто на море не бывал, тот Богу не маливался»

Слово митрополита Трифона, сказанное им в день памяти св. великомученика Пантелеймона 27 июля 1911 года
по возвращении из Соловецкой обители в Москву

Радостен для всех этот праздник, но, скажу, более всех он радостен для меня, ибо я совершил далекое и небезопасное путешествие и прибыл в Москву только вчера с далекого севера. Был я в Соловецкой обители, поклонился мощам ее основателей святых угодников Зосимы и Савватия; возрадовался духом, видя ее чудное процветание, высокую, благочестивую жизнь ее иноков. А затем я отправился далее, более чем за тысячу верст, на далекий берег Мурманский, где находится монастырь, основанный преподобным Трифоном Печенгским, просветителем лопарей. Благодарение Богу — этот путь прошел совершенно благополучно молитвами преподобного Трифона. Только туда, когда мы ехали по Ледовитому океану, была небольшая качка; а оттуда море было

¹ Составлено по статье: Посещение в 1911-м году Соловецкого и Печенгского монастырей Преосвященным Трифоном, епископом Дмитровским, первым викарием Московской митрополии и членом Московской синодальной конторы // Архангельские епархиальные ведомости. 1912. № 15, часть неофиц. С. 405–415

совершенно гладко, как зеркальная поверхность какого-нибудь озера. В этих странах в летнее время солнце совсем не заходит, а зимой совсем не восходит; где летом бывает постоянно светло, а зимою и днем темно. Здесь летом поражаешься скудостью природы: одни голые скалы, лепятся всюду мхи да лишай, кое-где вьется, не имеющая сил подняться к небу, наша березка. В Трифоновской обители видно трудолюбие иноков, создавших уютный уголок: там с великим трудом они достигли того, что стали произрастать растения и даже овощи.

Совершено было мною тринадцать литургий, возведено 23 монаха в священные степени. А в Печенгском монастыре освящен мною храм во имя Рождества Христова, построенный на том месте, где было убито 116 монахов во время совершения богослужения, когда шведы напали на монастырь и уничтожили всех живших в обители, а самую обитель разграбили.

И вот, когда я возвращался назад, в моих мыслях мне представлялась картина, близкая моему сердцу. В самом деле, тихо море и тих океан в тихую погоду и ласкает взор своей поверхностью. Но вот поднимается ветер — ревут, шумят и вздымаются его громадные волны, выше многоэтажных домов. Жалким и ничтожным представляется на этой поверхности корабль; жалкими и ничтожными представляются на этом корабле люди... И вот леденящий ужас охватывает душу человека. В самом деле, вот-вот сейчас волна захлестнет корабль, и пойдет он навстречу морским чудовищам. Вот тогда-то единственным утешением ему может служить только молитва. Недаром говорится: «Кто на море не бывал, тот Богу не маливался». И вот, видя этот океан-море, я представлял себе другое море, не менее опасное, не менее бурное, по которому мы все плывем на утлой ладье, и каждую минуту ожидают нас зловещие опасности. И здесь вздымаются волны, и здесь они готовы поглотить путешественника на каждом шагу и каждую минуту. И вот мы погибнем...

Единственно, что может нас сдержать, что может нас привести к тихой пристани, — это вера. Эта вера должна быть, несомненно, твердая, истинная. Вспомните апостола Петра: ведь апостол Петр едва усумнился и тотчас же стал тонуть в волнах моря. И только когда он воззвал к Спасителю: «Господи, спаси меня, погибаю», — Господь протянул ему руку и сказал: «Маловере, почто усумнился еси», — тогда он снова прошел по волнам моря к кораблю как по суку (см.: Мф. 14, 29-32).

И вот, дорогие братие и сестры, это море житейское готово поглотить каждого из нас. Это море постоянно вздымается, без конца свирепствуют его волны. Будем, как самую драгоценную жемчужину, хранить веру, чтобы в минуту опасности воскликнуть к Спасителю Богу: «Господи, спаси нас, потому что мы погибаем, готовы потонуть». А если мы, вследствие крайнего ничтожества, не надеемся быть услышанными, то обратимся к святым Божиим людям и будем просить их ходатайства. Обратимся к ныне празднуемому святому великомученику Пантелеймону, мощи которого пред нашими глазами. А наипаче будем чаще обращаться к Владычице нашей Небесной, да укрепляет она во всех христианах веру, твердую несомненную, чтобы эта вера оправдала нас, возвеличила и показала достойными Царства Небесного. Аминь².

Митрополит Трифон (Туркестанов) (1861-1934), выдающийся иерарх Русской Православной Церкви, который соединил в себе простоту народной веры и с высочайшим художеством монашеской аскезы и умной молитвы. Ученик Оптинского старца Амвросия, близкий знакомый святого праведного Иоанна Кронштадтского, владыка Трифон прославился как Московский Златоуст и «кухаркин архиерей», утешитель неприкаянного народа в пору лютых богоборческих гонений. П. Д. Корин избрал его в качестве

² Трифон (Туркестанов), митр. Любовь не умирает. М. 2007. С.262-264.

центральной фигуры для своей картины «Русь уходящая», как образ Православной России, точнее «той Святой Руси, в которой князья и бояре и даже сами цари считали за величайшее счастье после бранных подвигов, или государственных трудов, умереть простыми схимниками, — той Святой Руси, в которой умереть за Христа, хотя бы мученьях, считалось Божией милостью». Владыка Трифон скорбел о том, что «общество, воспитанное на иных началах, давно уже охладело к Церкви, а в последнее время, к несчастью, равнодушие сменяется иногда озлоблением. Напрасно радостно и торжественно звучат колокола; оно уже не идёт в храм Божий. Не о том мы говорим, чтобы нашу жизнь превратить в молитвенный подвиг... явилось много других разнообразных задач и целей, так что вернуться к древнему патриархальному быту уже невозможно. И как бы мы не взывали вместе с Гоголем: «Русь остановись!». Она не остановится на своем пути.

Мы желали бы лишь и пламенно молились бы о том, чтобы в этом шествии она не потеряла свое лучшее достояние: святую веру и любовь к своей небесной матери — Святой Церкви. Ведь на этом фундаменте созидались все её добродетели!

Потеряет окончательно веру, потеряет Бога и станет глубоко несчастна. И действительно, оглядываясь вокруг себя, видя так много угрюмых, мрачных, озлобленных, лишенных светлой надежды людей, мы глубоко о них скорбим и усердно молим Истинного Света — Христа, да осветит Он их Своими лучами и да возродит в душах их святую веру»³.

³ Там же. С. 513.